

Виктория Челнокова: «Физиком быть труднее»

ИНТЕРВЬЮ: АЛЕНА МИХАЛЕВА

В 1959 году советский поэт Борис Слуцкий написал стихотворение «Физики и лирики». Словосочетание основательно закрепилось в обиходе: нехитрая классификация, четко разделяющая приверженцев точных и гуманитарных наук на два лагеря. Такое нарочитое противопоставление показалось бы кощунственным в эпоху Возрождения с его идеалом «человека универсального», то есть всесторонне одаренного и развитого. Или в античные времена. Достаточно упомянуть, что в основе древнегреческих слов «технология», «техника» один корень — «искусство». К счастью, человек универсальный и в XXI веке — не вымерший вид.

Виктория Челнокова окончила Московский инженерно-физический институт (МИФИ), работала инженером в вычислительном центре, а потом вдруг... стала переводчиком. Счастливо соединила в себе физика и лирика. Пьеса Агаты Кристи «И никого не стало» на нашей сцене идет как раз в переводе Виктории Владимировны.

— **Виктория Владимировна, вы к профессии переводчика пришли издалека, очень интересным путем. Расскажите, пожалуйста, как и когда это случилось.**

— По окончании учебы я поступила в Объединенный институт ядерных исследований в Дубне. Работала

инженером-электроником. Принимала участие в разработке дисплеев. В те времена даже слово «дисплей» везде, кроме как у нас в институте, запрещалось говорить. Скажем, я еще преподавала в Московском институте радиотехники, электроники и автоматики — так вот там нам не разрешалось произносить слово «дисплей».

Потом занималась микропроцессорами. Работа всегда была связана с английским языком, с чтением профессиональной литературы, доступной только на английском. И когда я ушла на пенсию, то стала переводчиком. Боялась, что с непрофильным образованием меня не возьмут, но ничего подобного. Никто не обращал внимания на мои дипломы — только на качество переводов. Я член Союза переводчиков России.

— **Что перевели первым?**

— Я начинала в издательстве, которое придумало коммерчески гениальную вещь: они печатали маленькие дешевые книги в тоненьких обложечках. Не для того, чтобы их торжественно ставить в книжный шкаф, а для того, чтобы их прочесть и выбросить. И цена была как за две газеты. Одно время книги этой серии были очень популярны. Ну а когда набил руку на этих небольших романах, пошла в другое издательство, которое как раз доверило мне Агату Кристи. Оказалось, что при всей ее признанности в России очень многие ее вещи не были у нас переведены. И вот томов десять ее произведений переведены мной.

— **В том числе пьеса «И никого не стало».**

— Да. Агата Кристи очень придирчиво относилась к переложению своих романов в пьесы: добавляла кучу ненужных примечаний, что где должно стоять, что должно дожидаться своего часа за кулисами и так далее. Это, например, относится к книге «Нежданный гость». Одна моя коллега, тоже переводившая Агату Кристи, прочитав пьесу, с пренебрежением от нее отказалась. Ну и, наверное, рвала на себе волосы, когда за постановку этой пьесы взялся Театр на Малой Бронной.

— **Какая книга Агаты Кристи ваша любимая?**

— Одной такой книги нет. В тот момент, пока перевожу, больше всего эту книгу и люблю. Вообще люблю саму Агату. У нее легкий язык. Интересные сюжеты, она их никогда не растягивает умышленно, так что все у нее очень энергично. Любит сленг, это тоже такое приятное свойство. Хотя редакторы зачастую эти сленговые выражения потом причесывают, обезличивают. Вообще редакторы — это главные враги переводчиков.

Еще одна сильная сторона Агаты Кристи — разнообразие персонажей. Хотя при этом практически всегда найдется

какой-нибудь викарий или майор в отставке — без этого она как-то не умеет. И все равно, при таком обилии романов у нее, конечно, разнообразная публика.

— Вы обычно на какой стадии произведения понимаете, кто убийца? И вообще, вы предугадываете развязку?

— У любого читателя во время прочтения возникают подозрения. В этом прелесть детективных романов. Другое дело, что мои подозрения, когда столько книг Агаты уже прочитано, в основном оказываются верными.

— У переводчиков вообще, и в частности у вас, принято, приступая к переводу книги, изучать биографию автора, как-то глубоко погружаться в его творчество?

— Я читаю биографию только после окончания перевода. Она не поможет в работе. Но когда все позади, просто становится любопытно, что это за человек. Если говорить об Агате Кристи, то мне, например, понравилось и запомнилось, что ее муж археолог. И она изо всех сил пропагандирует эту работу — довольно много у нее археологов.

— А из ее сыщиков кого больше любите?

— Мисс Марпл. Во-первых, интересен ее женский подход к распутыванию загадок. А во-вторых, этот Пуаро... Очень уж она, Кристи, старается над ним насмеяться, как-то его принизить. Может, это такой реверанс читателю, чтобы он чувствовал себя умнее сыщика, даже такого знаменитого. А с мисс Марпл ничего такого она не делает, просто ограничилась тем, что поставила ее на достаточно низкую социальную ступень.

— Из персонажей «И никого не стало» вы кому больше всего симпатизируете?

— Таких персонажей два. Во-первых, генерал Маккензи. Он всю жизнь казнил себя. И здесь — только услышал обвинительный приговор, как сел и стал ждать смерти. Во-вторых, Ломбард, потому что Агата Кристи хотела от нас этого. Усиленно старалась, чтобы мы именно этого молодого человека любили. И я его охотно люблю. Этот офицер был вполне порядочный человек — и в романе, и в пьесе.

И точно так же следую Агате Кристи в антипатиях: ей больше всего не нравилась эта старуха, которая выгнала беременную служанку, и мне, соответственно, она кажется самым отталкивающим персонажем.

— Как вы относитесь к знаменитой экранизации Говорухина?

— О, очень люблю! Конечно, когда есть такое каноническое прочтение, для театральных артистов это становится дополнительным вызовом — очень сложно отказать от сравнений. Но тем интереснее будет увидеть эту пьесу на сцене.

— Виктория Владимировна, вы себя кем скорее ощущаете — физиком или лириком, филологом?

— Мне дороже профессия физика, возможно потому, что она труднее дается. Но вижу, что окружающая публика более ценит мой статус переводчика. Так что сложно сказать. Но физиком быть труднее. А переводчик — это большое удовольствие.